

УДК 821.112.2:821.161.1-83.09

С.П. Мельник, канд. филол. наук, Одес. нац. политехн. ун-т

ТОЛСТОЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ТОМАСА МАННА

С.П. Мельник. Толстой в публицистике Томаса Манна. Представлено характеристику літературно-критичних статей та есе німецького письменника, присвячені життю й творчості Л.М. Толстого.

S.P. Melnik. Tolstoy in Thomas Mann's publicism The characteristic literary-critical articles and essays of german writer, devoted to the works, life and literary activity of L.N. Tolstoy is presented.

Параллель между творчеством Льва Николаевича Толстого и художественными произведениями Т. Манна очевидна. Достаточно привести в качестве примера такие их рассказы и повести, как “Смерть Ивана Ильича”, “Дьявол”, „Будденброки”, “Тонио Крегер”, “Дорога на кладбище”, “Смерть в Венеции” и др [1].

Однако Томас Манн не только использует толстовскую технику письма (его емкий, размеренный стиль) и систему образов, но и весьма оригинально разъясняет само творчество русского писателя [2].

Вначале он лишь вскользь упоминал имя русского писателя в своей публицистике, приводя цитаты из его дневников, писем или литературных произведений, дабы быть более убедительным в отстаивании своих политических и эстетических воззрений (“Мысли в войне”, “Рассуждения аполитичного”, “Искусство романа”, “Воспитание чувства слова” и т.д.) [3].

Первой статьёй Томаса Манна о русской литературе явилась “Русская антология”, которую публицист написал в 1921 г. по просьбе редакции “Süddeutsche Monatshefte”. В этой статье представлена галерея портретов-этюдов «мифических мастеров» – виднейших российских писателей, среди них — Лев Николаевич Толстой, которого он называет не иначе, как “Микеланджело Востока”, “величайший эпический поэт”, “яснополянский Гомер” [4].

В 1922 году Т. Манн пишет доклад “Гете и Толстой”, который перерастает в огромное исследование (“Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма”), где сопоставляются гении Гете и Толстого в ракурсе складывающейся, совершенно новой концепции искусства XX столетия.

В 1928 г. публицист пишет статью “Толстой (К столетию дня рождения)”. В ней Т. Манн заостряет свое внимание на “проблеме художественного творчества и его воздействии на человека”. Ведя разговор о литературном наследии великого русского писателя, которого немецкий публицист сравнивает с древнегреческим поэтом Гомером, говорит о нравственном долге художника, о долге, “который состоит в том, чтобы, храня верность своему народу и служа ему, быть до конца честными в нашем (т.е. художника — С. М.) стремлении к истине” [5]. Обрисовывая вкратце творческий путь классика русской литературы, Т. Манн дает высокую оценку художнику, который являет собой “самоотверженность” и “силу”, будучи одаренным “от природы величайшим богатством пластики, которую использует по назначению (точнее по призванию) — “ради “вечного стремления к истине”, ради потребности открыть ее людям <...> на служение запросам человеческого духа!” [5].

Вслед за Мережковским, Т. Манн называет Толстого “тайновидцем плоти” за его пронзительность как гениального живописца — мастера изображения деталей и человеческих взаимоотношений (в этой связи Т. Манн несколько раз упоминает два величайших произведения Льва Толстого — “Анна Каренина” и “Война и мир”, которые по праву приравнивает к бессмертной эпической поэме “Илиада”), так и общественного деятеля, который “угадывал, что наступает эпоха, когда искусство одного только воспевания жизни кажется уже недостаточно правдивым и когда ведущей, определяющей, просветляющей силой становится дух, связывающий себя общественными интересами, отдающий себя на служение обществу и призванный руководить творческим гением подобно тому, как нравственность и разум призваны направлять бездумно-прекрасное” [5, 6].

Не зря при этом немецкий писатель указывает на душевные страдания Льва Николаевича, который хотел жить “по правде”. Т. Манн приводит известный факт из жизни Толстого: не смея отступить от собственных морально-этических убеждений, русский писатель отрекается от собственного искусства и под конец жизни тайно покидает дом и своих родных. Духовные искания писателя являются его стремлением к самосовершенствованию, бесплодным поиском самого себя. Так создается у Манна образ жизни художника вообще.

Толстой у Т. Манна отнюдь не бестелесный человек. Немецкий писатель подчеркивает плотность, а точнее “*радости плотской жизни*” как в самом Толстом, так и в его творчестве. Лев Николаевич — человек, и ничто человеческое ему не чуждо, но при всем том он не теряет своего человеческого достоинства, достоинства жизни – высшей ценности бытия мира людей. Вот почему Толстой и его творчество так дороги для Т. Манна, во всем ориентирующегося на “пророка из Ясной Поляны”. Известно, что сам Т. Манн был человеком весьма требовательным к самому себе и свою жизнь он очерчивал строгими морально-этическими поведенческими нормами. С юности обуреваемый страстями, Т. Манн никогда не позволял вырваться им наружу. Всю свою жизнь он был примерным семьянином и добропорядочным мужем своей горячо любимой и родной Германии. Поэтому неудивительно то, что Т. Манн приводит такие случаи из жизни русского классика, которые в той или иной степени соотносятся с жизнью самого писателя (особенно когда идет речь о душевных борениях и самоотрицании, которое очень характерно для Т. Манна в силу его личного характера).

Пример Толстого — очень удачный пример, на котором немецкий писатель показывает не оторванный от жизни идеал, а конкретного человека, ненадуманное явление культуры, направление, по которому следует идти. Жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого – конечная цель всех духовно-нравственных устремлений каждого художника, ступающего на творческую стезю и следующего по не ней по призванию (или по велению) голоса свыше. По большому счету, разговор о Толстом – это неуклонное стремление писателя оправдать себя и свое представление о творчестве, как о своем, так и чужом, творчестве, которое призвано служить человечеству, во имя его блага и во имя его прославления.

Разговор о Толстом возобновляется в 1939 г. с написанием следующей статьи, посвященной “Анне Карениной”. В ней Т. Манн размышляет о нравственности и общепринятых нормах нравственности — “в какой мере отличаются друг от друга эти два понятия” на примере авторской концепции “величайшего социального романа во всей мировой литературе” [5]. Внимание он концентрирует на Левине, которого, по Манну, “следует считать подлинным героем этого огромного романа, ставшего славной вехой на тернистом пути писателя, несокрушимым памятником стихийной, воистину богатырской силы, которую, под влиянием какого-то флегмента, непрерывно питает и в то же время подтачивает болезненно чуткая совесть и суеверная боязнь “впасть в грех”, — ведь этот Левин и есть сам Толстой” [5].

Т. Манн подчеркивает: “Толстой перенес на этот персонаж не только важнейшие факты своей внешней биографии: свой опыт управления имением, историю своей любви и помолвки (он передает ее очень точно), рождение первого ребенка, воспринятое им как радостное, но вместе с тем и страшное своей таинственностью, окруженное ореолом святости событие; мало того, его герой живет той же внутренней жизнью, какой жил тогда сам Толстой: у Левина такая же больная совесть, он так же склонен размышлять о смысле жизни и назначении человека, с тем упрямством тугодума ищет добра и справедливости, и все это приводит к тому, что интересы светского общества, в котором он бывает, наезжая в город, становятся для него бесконечно чуждыми; его тоже одолевают тяжкие сомнения в ценности культуры, — сомнения, которые постоянно придают ему черты отшельника и нигилиста” [5].

Через образ Левина Т. Манн изображает русского писателя не как “избранника”, а как “простого” человека, задающегося смыслом бытия. Левин помогает понять морально-этический закон Толстого, согласно которому надлежит жить в этом мире: “подлинная правда жизни <...> в том, что человек должен жить “по правде”, “для души”, “по божью”, “для добра” и, как это ни удивительно, стремление жить “по правде” и “для души” является таким же есте-

ственным, врожденным, искони предначерченным свойством человека, такой же необходимостью, как и необходимость набивать себе брюхо” [5].

Известно, что Лев Толстой стремился быть как можно ближе к народу. По Толстому, русский мужик живет, руководствуясь природной мудростью жизни — законом, который зиждется на абсолютном добре, что и определяет естественность и неповторимость этой жизни (“Казаки”, “Плоды просвещения”, “Царство Божие внутри нас”, “Исповедь” и др.) [7]. Так публицист совершает интересный переход из области искусства в область обывательского мира, но не скучного мира, а уникального, насыщенного многообразием и неповторимостью ощущения неподдельного счастья, мира, в котором существуют истинные духовные ценности, что определяет смысл и приносит радость человеческому существованию.

После того как публицист доискался этих первооснов человеческого бытия в толстовском понимании, он вновь возвращается в сферы искусства, ибо “искусство — самый прекрасный, самый строгий, самый радостный и благой символ извечного, неподвластного рассудку стремления человека к добру, к истине, к совершенству; дыхание мерно катящего свои валы океана эпического искусства не вливалось бы в нашу грудь столь радостного ощущения полноты жизни, если бы в этом дыхании не было терпкого и живительного привкуса одухотворенности и устремленности в область божественного” [5].

Таким образом, Т. Манн приравнивает искусство к жизни, а саму жизнь к искусству. Они неотделимы друг от друга: творчество (искусство, а в широком понимании — культура) определяется образом жизни, который складывается в ходе возникновения пограничных ситуаций и их преодоления — внутренних и внешних конфликтов художника (поиски смысла жизни, взаимоотношения индивида (личности) и общества и т. п.). Вот почему Т. Манн, ведя разговор о Толстом и персонаже его романа, рассказывает о трудностях русского писателя, которые возникли во время создания “Анны Карениной”, о сложных взаимоотношениях Льва Николаевича с родными, о неуживчивости Константина Левина и его стремлении отгородиться от светского общества и т. д.

Как и прежде, немецкий писатель на примере Льва Николаевича ведет разговор о себе и собственном творчестве, которое имеет очень много общего с творчеством классика русской литературы (здесь можно говорить о сходстве между толстовским Левиным и манновским Крегером, стремящихся к простому люду, чья жизнь естественна и оттого интересна; а потому в какой мере Левин похож на Толстого, в такой же степени Крегер похож на Манна) [8]. Как и прежде пример Толстого — очень удачный пример, на котором немецкий писатель показывает возникающее ежеминутно противоречие между внутренним миром художника и реалиями нашей действительности, муки и радости при рождении художественного произведения и, наконец, — жизненное кредо самого писателя: стремление жить “по правде” и “для души”.

В своем разговоре о творчестве Толстого Т. Манн стремится показать родство внешне разных, но по духу очень близких культур: русской и немецкой. Т. Манн — прямой наследник творчества Ф. Шиллера, И. В. Гете, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше опирается на опыт русских писателей (что публицист подчеркивает уже в самом названии своих публицистических произведениях, как это он, например, сделал в эссе “Слово о Чехове”). С одной стороны через социокультурную полярность Т. Манн показывает собственную уникальность как мыслителя и оригинальность как художника. С другой же стороны немецкий писатель как деятель культуры (Т. Манн всегда соотносил свою деятельность с культурным процессом (т. е. духовной жизнью в мире) вообще: “Где я — там культура”), представляя собственную интерпретацию ценностной окраски мира на примере своего личного приятия мира, пытался найти компромисс между Западом и Востоком [9]. Этот компромисс появляется в виде конкретного локального симбиоза — творческого наследия самого писателя.

Литература

1. Мотылева Т. Л. Томас Манн и русская литература. — М.: Знание, 1975. — 64 с.
2. Venohr L. Thomas Manns Verhältnis zur russischen Literatur. — Meisenheim / Glan, 1959. — 95 s.

3. Koenen G. Betrachtungen eines Unpolitischen. Thomas Mann über Rußland und den Bolschewismus // Deutschland und die Russische Revolution 1917 — 1924. — Wilhelm Fink Verlag München, 1999. — S. 315 — 379.
4. Манн Т. Русская антология // В мире книг. — 1975. — № 6. — С. 72 — 75.
5. Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. — М.: ГИХЛ, 1960. — 686 с.
6. Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. — М.: Сов. писатель, 1991. — 496 с.
7. Виноградов И. Как человеку жить надо?.. // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы. — М.: Сов. Россия, 1985. — С. 3 — 20.
8. Mann Th. Tonio Kröger. Mario und Zauberer. Frankfurt a. — М.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997. — 128 s.
9. Mann Th. Essays. In 6 Bänden. Frankfurt a. — М.: Fischer Verlag GmbH, 1997.

Поступила в редакцию 12 февраля 2007 г.

С.П. Мельник. Толстой в публицистике Томаса Манна. Представлена характеристика літературно-критичних статей та есе німецького письменника, які присвячені життю й творчості Л.М. Толстого.

S.P. Melnik. Tolstoy in Thomas Mann's publicism The characteristic literary-critical articles and essays of german writer, devoted to the works, life and literary activity of L.N. Tolstoy is presented.
